

УДК 94(47).063

DOI 10.21661/r-114597

В.Н. Бенда

**СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ,
КАСАЮЩИЕСЯ ЗАРОЖДЕНИЯ И РАЗВИТИЯ
СИСТЕМЫ ПОДГОТОВКИ АРТИЛЛЕРИЙСКИХ КАДРОВ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.**

Аннотация: в военно-исторической литературе и других источниках, рассматривающих вопросы основания в Санкт-Петербурге военно-специальных школ, в которых на протяжении первой половины XVIII столетия, велась подготовка кадров для артиллерийского корпуса, присутствуют некоторые расхождения и неточности в трактовке тех или иных событий, связанных с созданием и функционированием таких школ и с организацией в них учебно-воспитательного процесса. В частности, утверждается, что Санкт-петербургская артиллерийская школа «для пушкарских детей» была учреждена 20 мая 1730 г. В данной работе автор на основе изученных новых архивных источников уточняет дату учреждения вышеназванной школы. Научная работа также призвана дополнить уже имеющуюся информацию об организации и деятельности артиллерийских военно-специальных школ в Санкт-Петербурге в рассматриваемый период. Помимо этого, в статье впервые вводятся в научный оборот некоторые архивные источники.

Ключевые слова: первая половина XVIII в, Санкт-Петербург, артиллерия, кадры, артиллерийская школа, школьники, учителя, учебный процесс, лекционная табель, денежное жалование.

V.N. Benda

**CONTROVERSIAL ISSUES IN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY
CONCERNING THE ORIGIN AND DEVELOPMENT OF THE SYSTEM
OF TRAINING OF ARTILLERY PERSONNEL IN SAINT-PETERSBURG
IN THE FIRST HALF OF THE XVIII CENTURY**

***Abstract:** there are some discrepancies and inaccuracies in the interpretation of certain events associated with the establishment and operation of schools and the organization of the educational process in them in the military-historical literature and other sources dealing with the military special schools' foundation in St. Petersburg, where the training for the artillery corps had been provided during the first half of the eighteenth century. In particular, it is argued that the Saint-Petersburg artillery school «for Pushkarsk children» was established on May 20, 1730. In this article, the author, based on the study of new archival sources, specifies the date of establishment of this school. Scientific work also aims to complete the existing information about the organization and the activities of the artillery military special schools in St. Petersburg during this period. In addition, for the first time some archival sources are being introduced into scientific circulation.*

***Keywords:** first half of XVIII century, Saint Petersburg, artillery, personnel, artillery school, students, teachers, educational process, curriculum, salary.*

В ранее опубликованных наших работах, вопросы, связанные с зарождением и развитием артиллерийского и инженерного образования сначала в Москве, а затем и в Санкт-Петербурге в первой четверти XVIII в., уже рассматривались [5–9]. Однако, в ходе дальнейшего изучения архивных и других источников по теме нашего исследования, нам удалось найти сведения, которые существенно дополняют и конкретизируют уже имеющуюся информацию, касающуюся организации и деятельности в рассматриваемый период в Санкт-Петербурге артиллерийских военно-специальных школ.

В одной из предыдущих наших работ, мы обратили внимание на тот факт, что, по нашему мнению, целенаправленная подготовка артиллерийский кадров в Санкт-Петербурге начала осуществляться при *Санкт-Петербургской артиллерийской лаборатории начиная с 1717 г.* (здесь и далее полужирный курсив наш – В.Б.) [8, с. 26]. Свидетельством этому служат нижеприведенные примеры.

Как реально существующую в Санкт-Петербурге артиллерийскую школу имел ввиду генерал-фельдцейхмейстер(начальник русской артиллерии и инженерного корпуса – В.Б.) Яков Вилимович Брюс, когда он, отвечая в Москву капитану Брунцу (начальник Московской артиллерийской школы – В.Б.) по вопросу об отпуске на урочное время дворянских школьников в свои деревни, категорически запретил это делать и пригрозил, что «...ежели они и впредь будут проситься то взяты будут сюда (т.е. в Санкт-Петербург) ко учению» [1, д. 217, л. 194]. Для многих дворянских школьников, поместья родителей которых находились в уездах Московской губернии, угроза перевода на учебу в Санкт-Петербург была крайне неприятной перспективой.

Важным свидетельством существования в этот период в Санкт-Петербурге артиллерийской школы является представление в Приказ артиллерии начальника Петербургского артиллерийского гарнизона подполковника Витвера, в котором он ходатайствовал «О назначении окладов артиллерийским ученикам из шляхетских детей и разным чинам соответственно занимаемым должностям...» [1, д. 241, л. 192].

Об этом же свидетельствует и факт перевода сюда из Московской артиллерийской школы учителя предметов математического цикла Петра Мартова. В «...именном списке артиллерии генерального и Полкового штаба обер и унтер-офицерам, рядовым..., находящимся в С.-Петербурге и в Москве» об этом записано следующее: «...учитель артиллерийской школы Петр Зиновьев Мартов...октября 30 дня 1719 года великого государя жалованный оклад учинен по 6 рублей

на месяц из оклада умершего фейверкера иноземца Петра Шелонковского...и велено ему а С.-Петербурхе учить учеников, которые здесь есть арифметике и геометрии» [1, д. 230, л. 253 об.].

В экстракте о «Дирекции Главной артиллерии», изданном весной 1720 г. указано, что в ведении главного управления артиллерией были артиллерийские школы, находящиеся в Санкт-Петербурге и в Москве. Ученики обеих школ и их учителя содержались на артиллерийском жаловании. Выпускников этих школ в разных чинах и с разными окладами денежного жалования, зависящими от результатов их обучения, по решению главного органа управления артиллерией назначали для дальнейшего прохождения службы в различные подразделения, подчиненные артиллерийскому ведомству [32, с. 56].

Несомненно то, что базой для подготовки артиллерийских кадров в Санкт-Петербурге была артиллерийская лаборатория или «Лабораторный дом». Эту лабораторию и школу при ней длительное время возглавлял образованный и опытный специалист в области артиллерии и инженерного дела упомянутый выше подполковник Матвей Витвер [1, д. 230, л. 116, 124, 164–166, 171].

В одной из наших предыдущих статей, нами уже обращалось внимание на то, что в источниках, ставшими классическими в истории военно-учебных заведений России и в которых освещаются проблемы, связанные с учреждением в Санкт-Петербурге в первой половине XVIII в. артиллерийских военно-специальных школ, в т.ч. и артиллерийской школы при артиллерийской лаборатории, присутствуют некоторые противоречия и неточности [8, с. 27].

Так, например, Н.Н. Мельницкий утверждает, что именным указом от 13 марта 1721 г. Петра I повел: «... чтобы находящиеся в службе артиллеристы могли честь выше стяжать и скорее сделаться достойными повышения, выбрать из артиллерии учеников и обучать их при С.-Петербургском лабораторном доме всему, касающемуся до артиллерии, а также арифметике, геометрии и тригонометрии» [26, с. 4].

Известный русский педагог и писатель Н.Л. Ломан в своей работе пишет, что «В том же году (т.е. в 1721 – *В.Б.*), высочайшим именованным указом от 13 марта, заведена еще одна школа на 30 человек при С.- Петербургском Лабораторном доме. Учеников в нее Государь повелел выбрать из артиллеристов, состоящих на службе, дабы они «...могли честь выше стяжать и скорей сделаться достойными повышения» [24, с. 8].

М.С. Лалаев и Ф.В. Греков в своих работах придерживаются точки зрения Н.Л. Ломана и про школу при артиллерийской лаборатории упоминает одной фразой о том, что в 1721 г. заведена особая школа при Санкт-Петербургском лабораторном доме, в которой обучались состоящие уже на службе артиллеристы [15, с. 9; 23, с. 9].

Н.П. Жервэ и В.Н. Строев про артиллерийскую школу в Санкт-Петербурге в своем труде также практически ничего не пишут и лишь упоминают, что «...в конце своего царствования император Петр Великий задумал (?) основать новую артиллерийскую школу в Петербурге, но, по-видимому, смерть пресекла его начинания» [19, с. 11].

М.М. Денисьевский говорит о двух артиллерийских школах в Санкт-Петербурге, одна из которых была объединена с инженерной школой под общим начальством капитана Гольцмана [17, с. 1021]. Далее он пишет: «...по штату 10 октября 1735 г. артиллерийская школа, бывшая при Санкт-Петербургской инженерной, была отделена и присоединена к Санкт-Петербургской артиллерийской школе, основанной в 1720 году. Согласно штатному положению в 1720 г. в Петербургской артиллерийской школе обучалось арифметике, геометрии, тригонометрии и артиллерийским чертежам 60 человек, словесной и письменной науке 20 человек [17, с. 1027].

Ю.Е. Манойленко, также несколькими строчками в своей работе упоминает об артиллерийской школе при Санкт-Петербургской артиллерийской школе и без всяких ссылок на какие-либо источники, беспелляционно утверждает, что в 1720 г. (!), помимо действовавшей к тому моменту в Москве артиллерийской

школы, в Санкт-Петербурге при артиллерийской лаборатории была открыта еще одна школа, рассчитанная на 50 учеников [25, с. 419].

В другом исследовании утверждается, что артиллерийская школа в Санкт-Петербурге была учреждена в 1719 г [21, с. 8].

Из приведенного выше краткого историографического анализа виден разброс мнений, касающихся начала подготовки артиллерийских кадров в Санкт-Петербурге, времени учреждения артиллерийской школы при артиллерийской лаборатории, количества учеников, имевших возможность в ней обучаться.

В ходе исследования данной проблемы, нами были изучены многие архивные источники, на которые ранее исследователи и историки не обращали внимания, позволившие нам не только существенно дополнить и конкретизировать имеющиеся сведения о самой артиллерийской лаборатории и действовавшей при ней артиллерийской школе, но, и *устранить существующие неточности и ошибочные утверждения*, касающиеся деятельности артиллерийской школы при артиллерийской лаборатории, а также основания и деятельности в 30-е гг. XVIII в. в Санкт-Петербурге других артиллерийских школ.

Итак, известно, что *в 20-е гг. XVIII столетия, действовали две артиллерийские школы ведущих подготовку кадров для артиллерийского корпуса: Московская и Санкт-Петербургская (при артиллерийской лаборатории).*

Заметим, что в опубликованных ранее наших работах, указанных выше, мы уже рассматривали вопросы, связанные с организацией и деятельностью Московской артиллерийской школы. А в одной из прежних наших публикаций, мы кратко проанализировали проблемы связанные организацией и деятельностью артиллерийской школы при Санкт-Петербургской артиллерийской лаборатории, в которой велось обучение школьников, направлявшихся после окончания в ней обучения для дальнейшего прохождения службы в артиллерийские подразделения [10, с. 190–195].

Следует заметить, что какой-либо четкой организационно-штатной структуры артиллерийской школы при Санкт-Петербургском лабораторном

доме, а также учебной программы, в соответствии с которой в ней шло обучение школьников, вплоть до 1721 г. не было. Но то, что такой учебный процесс в артиллерийской лаборатории был налажен – факт неопровержимый.

Одним из первых основополагающих документов, определивших организационное начало школе при артиллерийской лаборатории был указ Петра I от 13 марта 1721 г. в соответствии с которым было велено «...при Санкт-Петербурге для лаборатории построить удобный дом, в котором делать и заготовлять всякие огнестрельные вещи как до воинских дел так и потешных фейерверков принадлежащие, и ... прочим артиллерийским делам же и рисованию чертежам обучать учеников по надлежащему...» [4, д. 3363, л. 51].

Интересно, что в документе говорится не об организации школы при артиллерийской лаборатории, как утверждают некоторые отечественные историки и исследователи, о которых мы упоминали выше, а об организационно-штатной структуре самой лаборатории и о постройке для неё специального дома.

Штат самой лаборатории включал 13 человек, включая должность оберфейерверкмейстера в ранге артиллерийского майора, в обязанности которого входило «... исправление лабораторного и фейерверочного дела и обучение тому делу также чертежам и прочим артиллерийским делам учеников» [4, д. 3363, л. 59]. Годовое денежное содержание 13 лабораторных служащих составляло 779 р. [4, д. 3363, л. 59]. На строительство лабораторного дома, на инструменты и припасы было затрачено 6200 р. 87 к. [4, д. 3363, л. 58].

О месте постройки в Санкт-Петербурге лабораторного дома, архивные и другие источники не дают точного ответа. У нас есть все основания полагать, что он был построен на Литейной улице не далеко от литейного двора. Литейный двор (Пушечный литейный двор) в то время располагался на левом берегу Невы, в районе въезда на современный Литейный мост и начала Литейного проспекта Санкт-Петербурга. На новом пушечном дворе были сооружены кузница, столярная, слесарная, лафетная, токарная и разного рода другие мастерские, которые

располагались на территории современных домов №1 и 3 на Литейном проспекте. Здесь же на территории нового пушечного двора располагалась и Артиллерийская канцелярия. Рядом с литейным двором располагались Пушкарская и Литейная слободы для так называемых «работных людей». Готовая продукция литейного двора хранилась на пушечном дворе, располагавшимся тогда на территории, на которой в современное время находится дом №4 по Литейному проспекту.

В некоторых источниках сообщается, что на территории Берг и Мануфактур коллегий, которыми с момента их основания руководил Я.В. Брюс [1, д. 241, л. 15] и располагавшимися не далеко от литейного двора, на участке земли, ранее принадлежащей царице Прасковье (вдова царя Ивана V – В.Б.) в 1720 г. было построено каменное здание для *химической лаборатории*, которая была первой в Российском государстве. В ней проводилось исследование образцов сырья, которым обеспечивались промышленные предприятия новой столицы государства, в том числе и того, которое поступало и на литейный двор [18]. Может быть в данном случае как раз речь идет о «лабораторном доме», а годом постройки химической лаборатории или лабораторного дома, следует считать не 1720, а 1721.

П.Н. Глебов прямо указывают, что артиллерийская лаборатория размещалась на левом берегу Невы недалеко от смольного дворца Елизаветы Петровны [14, с. 629], т.е. в районе литейного двора.

Если учесть все вышеизложенное и тот факт, что строительством литейного двора и всех сопутствующих строений руководил генерал-фельдцейхмейстер Я.В. Брюс, то маловероятно, что лабораторный дом был построен в другом районе, а не в районе литейного двора. Не вызывает сомнения и тот факт, что школа могла находиться при самой лаборатории, т.к. некоторые учебные курсы школьников (ракетные составы, снаряжение боеприпасов и подготовка зарядов, фейерверки, лабораторное искусство – В.Б.) могли преподаваться только в лаборатории.

Штат вновь учрежденной школы при Санкт-Петербургской артиллерийской лаборатории, представлен нами в упомянутой выше публикации [10, с. 193]. Лишь только напомним, что в соответствии со штатом, в Санкт-Петербургской артиллерийской школе в ведении обер-фейерверкмейстера (начальника лаборатории) находились один учитель и рисовальный мастер, а также 60 учеников для обучения их артиллерийским чертежам, лабораторным и прочим делам, разделенным на три статьи (в каждой по 20 учеников – *В.Б.*) [4, д. 3363, л. 72 об.].

После издания указа Петра I о строительстве в Санкт-Петербурге артиллерийской лаборатории и определения организационно-штатной структуры школы при ней, генерал-фельдцейхмейстер Я.В. Брюс поставил перед подполковником М. Витвером, бывшему в то время начальником лаборатории, задачу по организации соответствующего учебного процесса. Обучение учеников во вновь учрежденной школе при артиллерийской лаборатории, должно было вестись в соответствии со специальной инструкцией «Объявление чему в лаборатории обучать учеников подполковнику Витверу», данной генерал-фельдцейхмейстером Я.В. Брюсом подполковнику Витверу [3, д. 783, л. 7–8; 20, с. 592]. В программу обучения в школе входили следующие дисциплины: материальная часть артиллерии, приготовление ракет и ракетных составов, снаряжение боеприпасов и подготовка зарядов, ружейные приемы и приемы действия у орудий, стрельба из пушек, гаубиц и мортир по мишеням.

Указом Петра Великого от 31 декабря 1722 г. в Главную артиллерию, программа обучения школьников «обретающихся при артиллерии артиллерийских школах» была уточнена. В Московской артиллерийской школе обучали словесной и письменной науке, арифметике, геометрии, тригонометрии. Штат Московской артиллерийской школы насчитывал 100 школьников [3, д. 783, л. 9]. В Санкт-Петербургской *арифметической* (артиллерийской школе при лаборатории – *В.Б.*) следовало обучать артиллерийским чертежам, фейерверкам «... всякому лабораторному делу... и прочим наукам» [3, д. 783, л. 9 об.].

Этим же указом были определены еще несколько важных моментов по организации деятельности указанной школы.

Во-первых, количество школьников в данной школе было определено в 50 человек «...с окладами жалования по 2 р. на месяц человеку дабы ревностно обучались и к произвождению себя побуждали» [3, д. 783, л. 9об.].

Во-вторых, было определено, что «по окончании тригонометрии для обучения артиллерийским чертежам и фейерверков ... и прочих наук из Московской школы оных учеников со временем или когда по нужде будет посылать в Санктпетербурх в арифметическую школу (стиль и орфография документа сохранены – В.Б.)» [3, д. 783, л. 9–9 об.].

Из этого становится очевидным, что *Московская артиллерийская школа* стала выполнять функции подготовительного учебного заведения, т.к. Санкт-Петербургская артиллерийская школа комплектовалась за счет школьников Московской школы, которые изучили геометрию и тригонометрию. В частности, в конце 1721 г. из Московской артиллерийской школы для дальнейшего обучения в Санкт-петербургской артиллерийской школе было направлено 43 школьника [2, д. 30, л. 125].

Санкт-Петербургская артиллерийская школа, на тот момент была как бы высшей ступенью артиллерийского образования. Еще заметим, что в упомянутом выше указе Петра I, *Санкт-Петербургская артиллерийская школа при артиллерийской лаборатории впервые названа как «арифметическая».*

В-третьих, начальником школы назначался обер-фейерверкер мастер «...в ранге артиллерийского майора с надлежащим майорским жалованием», которому вменялось обучать школьников «чертежам артиллерийским и фейерверкам и прочим наукам». Он же исполнял обязанности начальника лаборатории [3, д. 783, л. 10].

Сохранилось очень мало сведений о *деятельности артиллерийской школы при Санкт-Петербургской лаборатории в 20-е гг. XVIII столетия.* Если какие-

либо источники и содержат фрагментарную информацию о деятельности вышеуказанной школы, то она, на наш взгляд, довольно противоречива и не бесспорна.

В частности, упомянутый выше Н.Н. Мельницкий пишет, что на протяжении 1722–1723 гг., генерал-майор инженер Де Кулон помимо руководства Санкт-Петербургской инженерной школой, заведовал еще и артиллерийской школой при Санкт-Петербургском лабораторном доме [26, с. 4]. Это утверждение вызывает явное сомнение, т.к. в соответствии с именным указом Петра I от 16 марта 1719 г., генерал-фельдцейхмейстеру Я.В.Брюсу поручалось «...при Санкт-Петербурге учинить инженерную роту и быть ей в подчинении полковника инженера Кулона», которая комплектовалась учениками Московской инженерной школы [1, д. 241, л. 144 об.]. В феврале 1721 г. инженер полковнику А. Де Кулону был присвоен чин (воинское звание – *В.Б.*) генерал-майора [5, д. 5, л. 55]. 25 декабря 1722 г. инженер генерал-майор Де Кулон именованным указом Петра I был назначен директором над всеми российскими крепостями, имея в своем подчинении всех инженеров, а также инженерную и минерную роту [31, д. 598, л. 3]. Тем более, это утверждение не соответствует действительности, так как противоречит именному указу Петра I от 22 декабря 1722 г. на который мы ссылались ранее и которым начальником школы был определен обер-фейерверкер подполковник Витвер.

Далее Н.Н. Мельницкий пишет, что с 1723 по 1730 г. начальником как артиллерийской школы при лабораторном доме, так и Санкт-Петербургской инженерной школы был инженер капитан Гольцман [26, с. 4], что тоже явно не соответствует действительности. Инженер капитан Гольцман был назначен только начальником Санкт-Петербургской инженерной школы, что видно из рапорта Гольцмана в *Канцелярию главной артиллерии и фортификации (КГАиФ)* в котором он пишет «...по его царского величества указу повелено мне ведать инженерной школою, учеников обучать фортификации ...» [2, д. 10, л. 1015].

В другой работе сказано, что во времена царствования Петра II, генерал-фельдцейхмейстер Миних «...восстановил артиллерийскую и инженерную школы, слив их в одно учебное заведение» [33, с. 15], что тоже не соответствует действительности.

Достоверно известно, что Санкт-Петербургская артиллерийская школа в конце первой четверти XVIII в. находилась под управлением начальника артиллерийской лаборатории, а какое-то время учителем в ней был известный в последующем изобретатель в области механики и артиллерийского дела А.К. Нартов [3, д. 161, л. 17].

Другой архивный источник предоставляет нам сведения о том, что в октябре 1728 г. в Санкт-Петербургской артиллерийской школе обучалось всего *20 человек* (а по штату должно было быть не менее 60 – *В.Б.*), а учителем был Петр Мартов [2, д. 248, л. 1–2 об.]. В своем донесении вышестоящему руководству, учитель сообщал о результатах изучения этими школьниками тех или иных частей арифметики и сколько каждый из них обучался в лаборатории «лабораторному искусству». К примеру, школьник Осип Грачев, «...был в лаборатории 2 месяца и 28 дней ... изучил арифметические правила «по чину» вплоть до простых дробей. Сейчас учит простые дроби. Надлежит ему доучить простые дроби, десятичные дроби, деление квадратное и кубичное» [2, д. 248, л. 1–2].

С уверенностью также можно сказать, что к концу 20-х гг. XVIII в. начальником Санкт-Петербургской артиллерийской лаборатории, соответственно и артиллерийской школы, был уже не М.М. Витвер. После смерти в начале февраля 1729 г. третьего генерал-фельдцейхмейстера И.Я. Гинтера, в артиллерии оставалось только два генерала: генерал-лейтенант В.И. Де Геннин и генерал-майор М.М. Витвер, который командовал осадной артиллерией в Брянске [32, с. 132].

После смерти И.Я. Гинтера, в течении трех месяцев на должность начальника артиллерийского корпуса никто не был назначен. И только 20 мая 1729 г. император Петр II своим указом из Государственной военной коллегии

(ГВК) поручил Б. Х. Миниху «... артиллерией ведать ... и быть при том деле главным» [5, д. 75, л.2]. *Обращаем внимание, что Миних был назначен только «главным», т.е. старшим начальником в артиллерии, но не генерал-фельдцейхмейстером*, как это указывается в некоторых источниках. Официально в должности генерал-фельдцейхмейстера, Б.Х. Миних только был утвержден 7 февраля 1731 г. [32, с. 163]. Об этом же пишет и сам Б.Х. Миних в своих «Записках...» [13, с. 44].

Когда И.Я. Гинтер скончался, занимаемый им пост вице-президента Военной коллегии, также перешел к Миниху. *С этого момента руководство артиллерийским и инженерным корпусам, в т.ч. и военно-учебными заведениями, было сосредоточено в руках Б.Х. Миниха, человека, по его собственным словам, далекого от артиллерии* [34, с. 231], да и чуждого ей.

После смерти Петра II, и воцарения в феврале 1730 г. на российском престоле Анна Иоанновна [4, д. 3285, л. 1], под руководством Б.Х. Миниха, в период 1730–1731 гг. был проведен ряд реформ, касающихся многих вопросов устройства военной организации российского государства.

С начала 30-х гг. Санкт-Петербург стал постепенно превращаться в научный центр по формированию у обучающихся в различных военно-специальных учебных заведениях системы научных знаний и профессиональных компетенций в различных областях военного дела. Помимо упомянутой выше артиллерийской школы, в указанный период в Санкт-Петербурге действовала военно-инженерная школа, а в начале 30-х гг. XVIII столетия, по инициативе Б.Х. Миниха, здесь же был учрежден Шляхетный кадетский корпус, который, впоследствии, в отличие от Морского кадетского корпуса, был назван Сухопутным. В работах некоторых авторов [27, с. 133–134], в т.ч. и в наших ранее опубликованных трудах [9; 11], уже рассматривались вопросы учреждения и организации деятельности Сухопутного кадетского корпуса в рассматриваемый период. Поэтому, нет необ-

ходимости в дальнейшем рассмотрении вопросов, связанных с функционированием Сухопутного шляхетного кадетского корпуса начиная с момента его учреждения и в последующем.

Продолжая рассмотрение вопросов, связанных с развитием системы подготовки артиллерийских кадров в России, еще раз напомним, что в начале 30-х гг. XVIII в., *целенаправленная подготовка кадров для артиллерии велась в Московской и Санкт-Петербургской артиллерийских школах.*

В начале 30-х гг. XVIII столетия, система подготовки артиллерийских кадров, предназначенных для укомплектования должностей различного профиля и назначения в артиллерийском корпусе и системе его материально-технического обеспечения и обслуживания, получила новый импульс в своем развитии. В Санкт-Петербурге были учреждены новые военно-специальные образовательные учреждения (военно-специальные школы – *В.Б.*), в которых велась подготовка кадров для артиллерии.

В частности, *в различных военно-исторических источниках сообщается о том, что одна из таких школ, а именно артиллерийская школа на 60 человек для «пушкарских детей» для подготовки канцелярских и полковых писарей, унтер-офицерских кадров и мастеровых в артиллерию, была учреждена в Санкт-Петербурге 20 мая 1730 г.* [22, с. 8–9; 23, с. 12; 24, с. 42; 33, с. 15].

Продолжая изучение данной темы, мы обратили внимание на тот факт, что в работах, посвященных истории создания и развития системы артиллерийского и инженерного образования в России в XVIII в., об учреждении в Санкт-Петербурге в мае 1730 г. артиллерийской школы и ее функционировании, или вообще никак не упоминается [15; 21], или же упоминается вскользь [19, с. 14; 23, с. 12]. Например, Н.П. Жервэ и В.Н. Строев в своей работе помимо упоминания одной фразой о том, что в Санкт-Петербурге была основана артиллерийская школа (повествование ведется о 30-х гг. XVIII в. – *В.Б.*), еще ошибочно указывают, что вышеуказанная школа была учреждена в 1731 г. [19, с. 14].

Н.Н. Мельницкий, в своем труде учреждение и начало деятельности в начале 30-х гг. XVIII в. Санкт-Петербургской артиллерийской школы для детей артиллерийских служащих опускает, и начинает повествование о Санкт-Петербургской артиллерийской школе начиная с 1735 г. [26, с. 18]. Такая же примерно ситуация повторяется в работе «История отечественной артиллерии», в которой хронологически начинается повествование о Санкт-Петербургской артиллерийской школе, состоящей «...из 2-х отделений: 1-го «чертежного» и 2-го «арифметических и других наук», с 1735 г. [20, с. 231]. Более детально вопрос об учреждении и организации деятельности Санкт-Петербургской артиллерийской школы для детей артиллерийских и прочих служащих рассмотрел в своей работе известный русский писатель и педагог XIX в. Николай Логинович Ломан [24, с. 42–49].

Н.Л. Ломан и другие исследователи указывает, что основание Санкт-Петербургской артиллерийской школы для детей артиллерийских служащих и мастеровых людей произошло на основании определения КГАиФ от 20 мая 1730 г.

До не давнего времени, такой же точки зрения придерживались и мы. Однако, изученные нами в последнее время дополнительные архивные источники, позволяют нам сомневаться в правдивости утверждений о том, что, якобы Санкт-Петербургская артиллерийская школа «для пушкарских детей» была учреждена 20 мая 1730 г.

Рассмотрим хронологию исторических событий и документов, связанных с учреждением и организацией деятельности вышеуказанной школы.

Первоначально проанализируем причины, которые, на наш взгляд, побудили КГАиФ принять решения о создании в Санкт-Петербурге отдельной специализированной артиллерийской школы для обучения в ней детей артиллерийских служащих.

Во-первых, Б.Х. Миних все более и более вникая в артиллерийские дела, видя отсутствие системы и порядка в управлении артиллерийским ведомством,

не мог с эти мериться, и со свойственной ему энергией *стал предпринимать попытки о наведения порядка и укрепления дисциплины в системе управления артиллерийским и инженерным ведомством.*

Это видно из того, что в конце июня 1729 г. Минихом на имя императора Петра II было направлено «всенижайшее представление» о том, чтобы артиллерийская канцелярия была снова переведена из Москвы в Петербург, «которой надлежит быть при нем (т.е. при Минихе – *В.Б.*)». Благодаря протекции ближайшего друга Миниха – вице-канцлера Остермана, резолюция Петра II на это представление вскоре была получена и в середине июля 1729 г. артиллерийская канцелярия уже по приказу из Военной коллегии начала свой переезд в Петербург.

Далее, в начале декабря 1729 г. генерал фон Миних представил Петру II доклад, в котором ходатайствовал о возвращении из Сибири генерал-лейтенанта артиллерии В.И. Де Геннина, чтобы тот продолжил исполнять в артиллерийском корпусе обязанности генерал-лейтенанта (после генерал-фельдцейхмейстера второй по значимости чин в организационной структуре ведомства – *В.Б.*) [5, д. 83, л. 52]. Де Геннин, в соответствии с указанием Петра II и решением ВТС в августе 1728 г. был отправлен в Сибирь для организации производства на железных и медных заводах, хотя и получал жалование из артиллерийской суммы [30, с. 278].

По всей видимости, в ходе инспектирования артиллерийских подразделений после своего назначения «главным в артиллерии», Б.Х. Миних мог столкнуться с большим количеством детей артиллерийских служащих, ничем не занятых и бесцельно слоняющихся. А для Миниха, поборника внешнего порядка, дисциплины и организации это было неприемлемым.

Подтверждением этому служит мотивационная часть приказа КГАиФ от 31 декабря 1729 г., которая говорит о том, что «...обретающейся в Санкт-Петербурге полевой и Санкт-Петербургского гарнизона артиллерийских служителей, также Санкт-Петербургского арсенала и обоих пороховых заводов и разных чинов людей *имеется малолетних детей немалое число и пребывают праздно,*

только по улицам шатаются от которых не иной надежды ожидать, но только разным мошенничествам и плутовству научиться. А по осмотру канцелярии главной артиллерии и фортификации, оных артиллерийских служителей детей явилось от 5 до 15 лет 60 человек и с одного смотра те 60 человек назначены в школу» [3, д. 783, л. 15–15 об.].

В определении также говорилось, что помимо 60 пушкарских детей, уже зачисленных в школу, на смотр в канцелярию также явились малолетние дети, пока еще не пригодные к зачислению в школу. Они как бы составляли резерв канцелярии и через несколько лет могли быть также зачислены для обучения в школу.

Во-вторых, как раньше, так и в рассматриваемый период считалось, что «наука для артиллерии имеет значение преобладающее» [22, с. 1]. Исходя из этого принципа, следовало комплектовать первичные солдатские должности в артиллерии (канониры, бомбардиры и гантлангеры) кадрами, а также мастерами различного профиля, обладающими, если можно так сказать, базовой подготовкой, т.е. умеющими читать, писать, обученным основам арифметики и геометрии и другим наукам, имеющим отношение к артиллерии. А рекруты из крестьян, которые попадали для дальнейшего прохождения службы в артиллерию, приходилось обучать их воинской специальности или какому-либо ремеслу (мастерству, художеству и т. д. – В.Б.) по несколько лет для того чтобы они могли в полной мере выполнять свои функциональные и служебные обязанности.

В связи с этим, КГАиФ логично рассуждала, что из пушкарских детей, прошедших специальную подготовку в школах, получались уже грамотные и подготовленные к выполнению своих функциональных и служебных обязанностей кадры для укомплектования артиллерии. В этом случае, по мнению канцелярии, значительно сокращалось время на обучение личного состава артиллерийских подразделений, которым они доукомплектовывались до штатного положения, и отпадала надобность в наборе того или иного количества рекрутов [3, д. 783, л. 15 об. 16].

В-третьих, в ноябре 1728 г. контора артиллерийской канцелярии получила указ императора Петра II из Государственной военной коллегии (ГВК) которым предписывалось «...пушкарских детей обучать в гарнизонных школах обще с солдатскими детьми» [3, д. 783, л. 13]. Канцелярии этим же указом предписывалось определить, сколько пушкарских детей обучать в гарнизонных школах с таким условием, чтобы штат гарнизонных школ не увеличивался больше чем по 20 человек. *Канцелярии главной артиллерии* необходимо было выделять необходимые финансовые средства в каждую из гарнизонных школ, где обучались пушкарские дети, «...а ежели артиллерия такого определения не учинит, то содержать их в указанном числе и довольствоваться из гарнизонной суммы». В указе говорилось, что в таком случае «...впредь обученные в гарнизонных школах пушкарские дети в артиллерию отданы не будут» [3, д. 783, л. 13 об.], т.е. артиллерия могла лишиться какой-то части кадров, получивших первоначальную подготовку к службе, и, более того, вынуждена была расставаться с какой-то частью денежных средств («артиллерийской суммы» – *В.Б.*), выделяемых на содержание артиллерии. А артиллерийское ведомство весьма неохотно расставалось даже с незначительными суммами денежных средств, выделяемых из государственной казны на его содержание, тем более, что их и так постоянно не хватало.

По всей видимости, учитывая вышеизложенные обстоятельства, КГАиФ 31 декабря 1729 г. (!) приказала «...для обучения выше писанных служителей малолетних детей 60 человек учиняя на Московской стороне для пушечного двора особливую школу и построить оную у ново строящейся церкви (на Литейной, возле Сергиевской церкви – *В.Б.*). В указе также говорилось, что до тех пор, пока новое здание школы не будет построено в указанном месте, «...обучать оных малолетних детей и содержать в доме гвардии Преображенского полка поручика Ивана Олова...» которому необходимо было требовать от полицмейстерской канцелярии под ту школу какое-либо пустующее строение или дом [3, д. 783, л. 15 об. 16].

Предполагалось в школе обучать «...словесной грамоте, а потом писать. Также арифметике и геометрии и прочим наукам к артиллерии принадлежащим». Для решения организационных вопросов связанных с учреждением новой школы, а также для «...надзора за всем, что к ней принадлежит и за школьниками» был назначен *сержант артиллерии Воронов* [3, д. 783, л. 16–16 об.]. Также для обучения школьников словесной и письменной науке, следовало найти учителя среди личного состава артиллерии «...или добропорядочного человека из посторонних» [3, д. 783, л. 16 об.].

КГАиФ приказала сержанту Воронову подать необходимые списки зачисленных в школу пушкарских детей с указанием их возраста и кто какую науку на тот момент изучил [3, д. 783, л. 16 об.]. В приказе канцелярии также было указано, что нормы годового довольствия школьников устанавливались в соответствии с нормами довольствия и снабжения школьников, обучающихся в остзейских и российских гарнизонных школах. Сержанту Воронову необходимо было представить в КГАиФ «роспись», что полагалось в год на содержание самой школы, на обеспечение учебного процесса, т.е. на книги, инструменты и прочие принадлежности необходимые для обучения школьников, а также на пищу школьников, их одежду, обувь и прочие нужды [3, д. 783, л. 16 об.].

20 мая 1730 г. был издан очередной приказ КГАиФ, в котором говорилось, что предыдущим приказом канцелярии от 31 декабря 1729 г. было определено учредить специальную школу на 60 человек для обучения в ней малолетних детей артиллерийских служащих (!) (служителей – В.Б.) [3, д. 783, л. 17].

Выше мы упоминали о том, что сержанту Воронову необходимо было представить в КГАиФ подробную ведомость постатейных расходов на содержание школы, что им и было сделано. В соответствии с ведомостью, составленной Вороновым, на книги, одежду, обувь и другие надобности, а также на жалование учителям и наемным работникам, *требовалось на год не менее 800 р.* КГАиФ приказала, указанную сумму на содержание школы целенаправленно выделять

из тех денег, которые выделялись государством на содержание всего артиллерийского корпуса. *Все школьники зачислялись в штат Санкт-Петербургского арсенала* [3, д. 783, л. 17 об.].

В приказе канцелярии еще раз было подтверждено, что до специального указа, надсмотр за организацией деятельности школы и самими школьниками, чтобы те «...обучались без ленности и содержались в добром порядке» поручалось сержанту Воронову. Воронову для организации нормального функционирования школы поручалось закупить все необходимое для этого, а именно «... каменные доски, и книги, и чернила, железную и деревянную посуду, також рубахи и галстуки, и башмаки и челки, одеяла войлочные...» [3, д. 783, л. 17 об.].

Также указывалось, что если что-то из необходимого для закупки не будет найдено уже в готовом виде, то необходимо было закупить необходимые «припасы и оное сделать». На закупку всего необходимого, сержанту Воронову выделялось 192 р., которые необходимо было тратить «без излишества». Все расходимые денежные средства, а также купленные припасы должны были заноситься в две специальные книги, которые должны были быть прошнурованы и скреплены канцелярской печатью [3, д. 783, л. 17а].

На покупку продовольственных припасов или «харчевых припасов», на каждую треть года Воронову выделялось по 48 р. и 3 р. на соль. Воронову предписывалось покупать все необходимые припасы в необходимых количествах благовременно «...настоящими ценами без передачи» исходя из того правила, чтобы на одного человека в месяц выходило по 20 коп. [3, д. 783, л. 17а об.]. Помимо закупаемых продуктовых припасов, на питание школьникам на год полагалось покупать «...63 четверти муки» (1 четверть – примерно 7 пудов и 10 фунтов, т.е. примерно 120 кг. – *В.Б.*). Если перевести на современную систему измерения веса, то получится, что в год на питание школьников расходовалось более 7 тонн муки. Помимо муки полагалось закупать «4 четверти круп и 24 сажени дров [3, д. 783, л. 17а об.] (примерно 9,7 куб.м. – *В.Б.*)».

Так проходил организационный период начала функционирования Санкт-Петербургской школы для детей артиллерийских служащих (пушкарских детей).

И вот здесь обратим внимание на один важный момент. Определение КГАиФ от 20 мая 1730 г. было издано канцелярией в дополнение к ранее изданному, т.е. от 31 декабря 1729 г., с целью уточнения вопросов материально-технического обеспечения деятельности школы и организации в ней учебного процесса, в т.ч. некоторых организационных вопросов, а также размеров продовольственного и вещевого обеспечения школьников, *но, ни как учреждающий документ, положивший начало основанию новой военно-специальной артиллерийской школы.*

На основании вышеизложенного можно полагать, что начало учреждению Санкт-Петербургской артиллерийской школы для детей артиллерийских служащих, или «пушкарских детей» положил приказ Канцелярии главной артиллерии и фортификации от 31 декабря 1729 г. А следующее определение КГАиФ от 20 мая 1730 г. было издано канцелярией в дополнение к ранее изданному для уточнения некоторых организационных вопросов.

Что касается организации учебного процесса во вновь учрежденной артиллерийской школе и его результативности, то хотя школьная программа и включала в себя обучение учеников геометрии и тригонометрии, но за время руководства школой сержантом Вороновым, школьники смогли лишь усвоить только начальные основы арифметики. Такое положение дел можно объяснить рядом обстоятельств.

Во-первых, малолетние школьники уставали от большой продолжительности занятий и просто не могли хорошо усваивать изучаемый материал, а, *во-вторых*, сам Воронов не мог постоянно находиться вместе с школьниками и заниматься их обучением т.к. у него, кроме преподавательских обязанностей, были еще и другие не связанные с учебным процессом.

Например, массу времени у Воронова отнимала переписка с КГАиФ по поводу исполнения каждого из её указов, подачи рапортов на выделение необходимого имущества, припасов и т. д. Для наглядности приведем характерный пример. По рапорту уже штык-юнкера Воронова в КГАиФ о выделении на отопление школы необходимого количества дров, 18 января 1733 г. последовал указа императрицы в обер-цейхвартерскую контору Канцелярии главной артиллерии и фортификации об отпуске в артиллерийскую школу из Санкт-Петербургского арсенала 10 сажень дров [4, д. 167, л. 1]. Казалось бы, вопрос должен быть решен без каких-либо затруднений и в скором времени. Но, не тут-то было. Началась переписка между участвующими в разрешении этой проблемы инстанциями, т.к. в указе императрицы, не было указано какие дрова следует отпускать «поленчатые или трех аршинные». 28 января 1733 г. из арсенала поступил соответствующий рапорт в обер-цейхвартерскую контору Канцелярии главной артиллерии и фортификации с просьбой указать точно «...какие надлежит отпустить дрова поленчатые или трех аршинные» [4, д. 167, л. 2]. Из-за такой бюрократической переписки прошло более двух месяцев, пока эта, на первый взгляд, мелочная проблема была решена и штык-юнкеру Воронову были выделены 10 сажень дров «...записав их в расход с распиской в артиллерийской обер-цейхвартерской конторе» [4, д. 167, л. 1].

В 1733 г. вместо штык-юнкера Воронова, переведенного для дальнейшего прохождения службы в другое место, начальником школы был назначен *учитель Московской артиллерийской школы Михаил Борисов*. К моменту перевода М.Борисова в Санкт-Петербургскую артиллерийскую школу для «пушкарских детей», он уже длительное время преподавал в Московской артиллерийской школе и как учитель, был довольно подготовленным и опытным. На Борисова возлагались такие же обязанности, как и на Воронова, т.е. он должен был преподавать арифметику, геометрию и тригонометрию, следить за поведением школьников и их полноценным продовольственным и вещевым обеспечением. В помощь Бори-

сову для обучения школьников словесной науке (читать и писать – В.Б.), канцелярия назначила писаря Атяева, который обязан был помимо обучения школьников русской грамоте, выполнять еще функции завхоза школы. Ему вменялось вести учет прихода и расхода денежных средств и продовольственных припасов, отпускаемых в школу, отвечать за постельное имущество и кухонную утварь числящиеся за школой [24, с. 45].

Ранее мы упоминали о том, что в это же время в Санкт-Петербурге наряду с артиллерийской школой для «пушкарских» детей должна была действовать артиллерийская школа при лаборатории. По всей видимости, эта школа после смерти Петра I, перестала комплектоваться новыми учениками. Это стало очевидным после того как принц Гессен-Гомбургский, назначенный 28 марта 1735 г. вместо Б.Х. Миниха новым генерал-фельдцейхмейстером [5, д. 112, л. 14], по каким-то причинам обратил свое внимание на эту школу. Оказалось, что в этой школе практически не было учеников.

Напомним, что в артиллерийской школе при лаборатории следовало обучать «...шляхетских и других разных чинов и артиллерийских служителей детей принадлежащих ко артиллерии» [4, д. 3363, л. 72] «...всем огнестрельным вещам и размеру артиллерии с лафетами и прочим артиллерийским чертежам ..., а также из пушек метанию бомб и других снарядов» [3, д. 783, л. 47]. В этой же школе, также мог повышать свой образовательный уровень артиллерийский унтер и обер-офицерский состав, с целью «... честь выше стяжать и скорее сделаться для повышения достойными» [26, с. 4]. *Но, за свое обучение они должны были сами платить начальнику школы (обер-фейерверкеру – В.Б.) соответственно по 25 и 30 р.* [3, д. 783, л. 47]. По всей видимости, именно это обстоятельство не способствовало проявлению желания у большого количества артиллерийского унтер и обер-офицерского состава пройти обучение в указанной школе.

Такое положение дел с набором в артиллерийскую школу при лаборатории, не мог поправить даже указ Анны Иоанновны от 23 ноября 1731 г., которым запрещалось производить в унтер-офицеры, а из унтер-офицеров в обер-офицеры соответственно безграмотных солдат и унтер-офицеров «...дабы каждый к обучению грамотному попечение имел неленностное» [28, с. 566]. Комплектование школы учениками из дворянства также было затруднено, т.к. дворянство не очень охотно стремилось отдавать своих детей для обучения в военно-специальные учебные заведения, а оставляли их дома.

Вероятно в силу приведенных нами выше обстоятельств, к 1735 г. Санкт-Петербургская артиллерийская школа при лаборатории не была укомплектована личным составом, который проходил бы обучение в указанной школе.

По предложению нового генерал-фельдцейхмейстера принца Гессен-Гомбургского, 25 июля 1735 г. состоялось определение КГАиФ, в котором говорилось, что для укомплектования артиллерийского штата бомбардирами, унтер-офицерами и обер-офицерами «...назначено в артиллерийской школе (имеется ввиду артиллерийская школа при лаборатории – В.Б.) содержать учеников в Санкт-Петербурге на жаловании 30 человек, в т.ч. первой статьи – 15 человек по 24 р., второй статьи – 15 человек по 18 р. в год. Да в словесной и письменной науках, также в арифметической (подразумевается артиллерийская школа для «пушкарских» детей – В.Б.), в содержании пицей и мундиром на казенной сумме 60 человек. И в то число при том учении есть из детей артиллерийских рядовых служителей» [3, д. 783, л. 18]. Далее говорилось, что в первой школе (т.е. при лаборатории – В.Б.) обучалось *лишь только трое недорослей из новгородских дворян.*

Заметим, что в то время, как в гарнизонах, так и в осадной и полевой артиллерии не только в обер-офицерском но и в унтер-офицерском составе был большой некомплект и «...состоит в них нужда, а производить почти не из кого» [3, д. 783, л. 18 об.]. В следствие этого, КГАиФ были в срочном порядке предпри-

няты меры по доукомплектованию артиллерийской школы при лаборатории необходимым количеством учеников. КГАиФ приказала для обучения *школьников в артиллерийской школе при лаборатории* и последующего их производства в унтер-офицерский чин после окончания обучения «...выбрать из инженерной школы и с первой и второй статей которые получают жалование по 24 р. на год человек 10. К тому же еще требовать чтоб в то число 10 даны были из кадетского корпуса (сухопутного – В.Б.), которые обучались арифметике, геометрии и тригонометрии и знанием или рукой рисовать» [3, д. 783, л. 19]. Оставшиеся 10 человек до полного комплекта следовало набрать в Московской артиллерийской школы из «...дворянских и офицерских детей, кои учили арифметику, геометрию и тригонометрию» [24, с. 49].

Казалось бы, все было сделано для того, чтобы *Санкт-Петербургская артиллерийская школа при лаборатории* вновь стала полноценно функционировать. Однако, по каким-то соображениям, на наш взгляд, из-за экономических расчетов, канцелярия изменила свое первое решение и деятельность школы при Санкт-Петербургском лабораторном доме возобновлена не была. А 10 октября 1735 г. был утвержден только штат одной новой школы, формально объединенной с Санкт-Петербургской артиллерийской школой для «пушкарских детей» и территориально располагавшейся на ее базе (!). Вновь созданное военно-учебное заведение, стало существовать под общим названием «*Санкт-Петербургская артиллерийская школа*», находящейся в ведении КГАиФ.

Для обучения *школьников* и контроля за учебным процессом и личным составом школы, был назначен поручик артиллерии Гинтер. Ему в помощники был назначен штык-юнкер Фабрициус, который обязан был обучать *школьников* рисованию, а фортификации – унтер-цейхвартер Толстов [3, д. 783, л. 20]. Для оказания помощи штык-юнкеру Фабрициус в обучении рисованию в той же школе, предписывалось приходить в школу в свободное от работы и дел еще 4 «*малярам*» [3, д. 783, л. 20].

Для обеспечения учебного процесса во вновь учрежденной школе «...и для лучшего школьниками в тех науках изъяснения и понятия» канцелярия отдала в школу по одному экземпляру имеющихся при ней артиллерийских и инженерных книг каждого автора. А если лишних книг в канцелярии не оказывалось, то следовало «...купить всех авторов на российском языке и на немецком в которых нужда будет. А именно геометрические и тригонометрические, Артиллерия Бруна, Бухнера, Бринкера, французские по две книги фортификации Кугорно, Вобана, рисовальную... механические какие есть на русском языке да на немецком... и к тому сколько потребно и каких инструментов, бумаги, чернил, перьев и прочего тому учинить реестр» [3, д. 783, л. 20].

Этим же указом КГАиФ, т.е. указом от 10 октября 1735 г., были определены размеры денежного, продовольственного и вещевого обеспечения школьников. Так, например, размер годового денежного жалования школьникам устанавливался в зависимости от уровня обучения или изучаемой дисциплины: в арифметической – по 12 р., в геометрии и тригонометрии по 18 р., в чертежной артиллерийской и фортификации – по 24 рубля на год [3, д. 783, л. 21].

Также указывалось, что из денежного жалования школьников, полагалось у них вычитать «на мундир» в месяц по 28 к., а в год по 3 рубля. Школьников за казенный счет обеспечивали мундиром, кафтаном, камзолом, штанами сроком на три года, а нижний мундир и штиблеты школьникам полагалось иметь свои [3, д. 783, л. 21]. Для того чтобы школьники постоянно жили при школе, КГАиФ приказала капитану над артиллерийскими мастерскими Кренизину построить дополнительно на школьном дворе еще «две светлицы... из нового леса или из старого артиллерийского хоромного строения» [3, д. 783, л. 21 об.].

Важно заметить, что так называемая Санкт-Петербургская артиллерийская школа, ставшая существовать под этим именем с октября 1735 г. состояла из двух отделений или точнее, двух отдельных, различных по своему назначению школ. Хотя обе эти школы содержались в одном помещении, но каждая из

них имела свой штат, фиксированную годовую сумму, выделяемую на их содержание и отдельно одна от другой предоставляли необходимые отчеты в КГАиФ.

Первое отделение или «Школа для «пушкарских детей» по-прежнему, готовила писарей, мастеровых и унтер-офицерские кадры для артиллерии. Количество учеников в ней составляло 60 человек «пушкарских детей». Учителем в этой школе по-прежнему был Михаил Борисов. Школа для «пушкарских детей» была разделена на три класса: геометрический, арифметический и словесной науки. В этих трех классах ученики не получали жалованья, но обеспечивались питанием и вещевым имуществом за государственный счет. На содержание указанной школы в год отпускалось 764 р. [24, с. 50].

Во второй вновь учрежденной школе необходимо было содержать на государственном обеспечении 30 учеников, преимущественно из дворянских и офицерских детей. Планировалось учеников в этой школе обучать математическим наукам и артиллерийскому искусству, а потом выпускать унтер-офицерами в артиллерию. Годовое содержание указанной школы обходилось казне в 855 р. [24, с. 50].

Вновь созданная Санкт-Петербургская артиллерийская школа, состоящая из двух отделений (школ), находилась в непосредственном подчинении у генерал-лейтенанта артиллерии В.И. Де Геннина. 7 января 1736 г. за его и военного советника артиллерии Томилова подписью и *во вторую школу* (второе отделение – В.Б.), *которая впоследствии стала называться «чертежной»*, была направлена лекционная табель (регламент учебного времени – В.Б.), в которой указывалось сколько часов, по какому предмету и в какой день недели обучать школьников (см. таблицу 1).

Табель лекциям и наукам в артиллерийской императорской школе чему в который день и когда обучать [3, д. 783, л. 22–22 об.]
(стиль и орфография документа сохранены – В.Б.)

| Дни недели (в док. Обозначены специальными символами на каждый день) | Часы | | Первого артиллерийского класса | Второго геометрического класса | Третьего арифметического класса |
|---|------------|----------------|--|--|--|
| | | | | | |
| Понедельник | По утру | С 7 до 12 часа | Основания артиллерийского и чертежам артиллерийским | Геометрии и по порядку тригонометрии и геодезии | Арифметике во всех правилах |
| | По полудни | С 2 до 8 | Знаменить и рисовать рукой | | Чистописанию |
| Вторник | По утру | С 7 до 12 часа | Фортификации | Геометрии и по порядку тригонометрии и геодезии | Арифметике во всех правилах |
| | По полудни | С 2 до 8 | Архитектуре и перспективе | | Чистописанию |
| Среда | По утру | С 7 до 12 часа | Основания артиллерийского и чертежам артиллерийским | Геометрии и по порядку тригонометрии и геодезии | Арифметике во всех правилах |
| | По полудни | С 2 до 8 | Знаменить и рисовать рукой | | Чистописанию |
| Четверг | По утру | С 7 до 12 часа | Фортификации | Геометрии и по порядку тригонометрии и геодезии | Арифметике во всех правилах |
| | По полудни | С 2 до 8 | Архитектуре и перспективе | | Чистописанию |
| Пятница | По утру | С 7 до 12 часа | Основания артиллерийского и чертежам артиллерийским | Геометрии и по порядку тригонометрии и геодезии | Арифметике во всех правилах |
| | По полудни | С 2 до 8 | Ручному рисованию, а когда в лаборатории работа отправляется, то в одной обучать | | Чистописанию |
| Суббота | По утру | С 7 до 12 часа | Читать регламент и артикулы и потом оружейной экзерциции | Читать регламент и артикулы и потом оружейной экзерциции | Читать регламент и артикулы и потом оружейной экзерциции |

В табели также указывалось, что как только кто-то из школьников достаточно усвоит все необходимые предметы обучения, то их дальнейшее обучение следует продолжать в лаборатории. «И огнестрельным воинским и потешным делам обучать особливое время месяца по два, три, четыре, пять и по шесть кто как постигнуть может повседневно. А после того определены будут по усмотрению каждого действительно в службу по чинам» [3, д. 783, л. 22 об.].

Из вышеизложенного можно заключить, что такой дисциплине как «лабораторное производство или искусство» в школе придавалось особое значение, если только после усвоения, так сказать «лабораторного курса», ученики школы могли быть выпущены из школы.

Из лекционной табели также видно, что значительная часть учебного времени была отведена на черчение и «ручное рисование». Чертили ученики в качестве своей учебной практики, изготавливали и особые чертежи по указаниям канцелярии, которая постоянно требовала составлять необходимые различные ей чертежи, а иногда и копировать их в нескольких десятках экземпляров. Среди этих чертежей были артиллерийские, инженерные и топографические. *Поэтому преобладающему характеру занятий второго отделения школы, она и стала называться «чертежной», в отличие от школы для «пушкарских детей», которая получила название «арифметических и других наук школа».*

Названия эти не были официальными, и придуманы канцелярией уже впоследствии, когда характер каждой из этих школ вполне определился [24, с. 51].

Очевиден и тот факт, что практическая подготовка учеников школы по приобретению навыков стрельбы из артиллерийских орудий и стрелкового оружия была минимальной, если не отсутствовала вообще. В той же «лекционной табели» отсутствуют практические занятия по артиллерийской стрельбе, а обучение «военной экзерциции», в т.ч. и выполнение практических стрельб из стрелкового оружия ограничивалось строевой подготовкой и выполнением строевых приемов с оружием.

Какого-либо определенного срока изучения дисциплин в том или ином классе чертежной школы установлено не было. Перевод из одного класса в другой осуществлялся на основании результатов обучения тем или иным наукам в предыдущем классе и наличия свободных вакансий во втором или третьем классе школы. Часто могло получаться так, что по своим способностям вновь зачисляемый в чертежную школу ученик, мог сразу же начинать обучаться в первом или втором классе чертежной школы. Но за не именем в них свободных мест, он зачислялся в третий класс и соответственно получал меньшее жалование, хотя по своим способностям и умениям куда более был достоин находиться среди учеников первого или второго класса и соответственно получать большее жалование. Переход из одного класса в другой зависел от старания и возможностей школьников вышестоящего класса. Такой порядок распределения по классам, соблюдали и позже.

Порядок школьных экзаменов и выпуска школьников, успешно закончивших курс обучения в Санкт-Петербургской артиллерийской школе был следующим. Указом императрицы Анны Иоанновны, данным в Военную коллегия 24 апреля 1737 г. было установлено проведение экзаменов для шляхетских и офицерских детей, достигших 16-летнего возраста, в том числе в артиллерийской школе, чего ранее в ней не было [29, с. 130–131]. На основании этого указа, генерал-фельдцейхмейстер принц Гессен-Гомбургский, в 1737 г. распорядился произвести из нее первый выпуск учеников на службу. Выполняя это указание, Канцелярия главной артиллерии (ставшая так именоваться вместо КГАиФ с 1736 г.) учредила для экзаменов специальную комиссию, в состав которой вошли: Санкт-Петербургского артиллерийского гарнизона майор Линзей, артиллерии капитан Нотгельфер, сам капитан Я. Гинтер и все артиллерийские офицеры, находящиеся на тот момент в Петербурге. После проведенного экзамена, из чертежного отделения Санкт-Петербургской артиллерийской школы *состоялся первый выпуск 19 школьников*, которые по решению канцелярии были направлены

для дальнейшего прохождения службы в полевую и осадную артиллерию в чине сержанта, каптенармуса, фурьера или капрала [24, с. 74].

В том же году (т.е. в 1737 – *В.Б.*) был произведен выпуск из арифметической и других наук школы: двое лучших учеников переведены в чертежную школу, а несколько человек были назначены в писаря и в арсенальные подмастерья на более высокие оклады жалованья.

Такие выпуски осуществлялись на протяжении всего времени существования школ, с той только разницей, что экзамены проводились с меньшей торжественностью. Как правило, *для учеников арифметической и других наук школы*, экзамены заменялись аттестацией учителя. А школьники, выпускавшиеся из *чертежной школы*, должны были представлять на экзамен в канцелярию или самому генерал-фельдцейхмейстеру свои чертежи и рисунки. Впрочем, с 1744 г., наблюдение за обучением и поведением учеников школы канцелярией было возложено на артиллерию полковника Шульца, который одновременно надзирал и над мастерскими артиллерийского ведомства. Тогда чертежи и рисунки необходимо было представлять уже ему.

Такой порядок подготовки аттестации на выпускников сохранился в последующем, без каких-либо существенных изменений. Для выпусков никогда не назначалось определенного срока, а производились они по мере надобности в унтер-офицерских кадрах в артиллерийских подразделениях. После выпуска освободившиеся в школах вакансии комплектных, т.е. штатных учеников замещались, на сколько это было возможно, сверхкомплектными учениками. По мнению Н.Л. Ломана, после 1737 г., ежегодно на службу из чертежной школы выпускалось, примерно по 7 учеников [24, с. 74–75]. Время пребывания учеников в школе было также разным – от 4 до 6 лет. Впрочем, были случаи, когда наиболее способные школьники переходили из класса в класс быстрее других.

В конце 1737 г. учитель М. Борисов умер и вместо него, по представлению уже капитана артиллерии Я. Гинтера, на должность преподавателя арифметических и других науки школы, канцелярией был назначен окончивший обучение в чертежной школе ученик *Данила Черовский*.

КГАиФ со своей стороны, этому не препятствовала. Тем более, что Гинтер иначе не имел бы времени и возможностей выполнять те поручения и указания, которые возлагались на него канцелярией. Он отвечал за работы по иллюминации, ему предписывалось вести наблюдение за литьем пушек, проводить испытания вновь отлитых или отремонтированных пушек, проводить проверки пороха и т. д. [3, д. 615, л. 3 об.].

Постепенно капитан Гинтер из простого учителя одного из отделений школы, формально стал начальником всей Санкт-Петербургской артиллерийской школы.

Проследим динамику изменения степени укомплектованности чертежной и арифметической школ учащимися на протяжении периода их функционирования. Мы полагаем, что приведенные ниже данные являются яркой характеристикой тех социальных и общественных настроений, существовавших в тот или иной период правления российских императоров(императриц).

Так, в частности, в соответствии с рапортом начальника Санкт-Петербургской артиллерийской чертежной школы (так в архивном источнике – *В.Б.*) капитана артиллерии Ягана Гинтера от *25 апреля 1738 г.* в канцелярию, о выдаче ученикам соответствующего жалования, в школе в первом классе обучалось 5 человек, во втором 2 человека и в третьем 9 человек [3, д. 138, л. 114–114 об.]. В свою очередь из рапорта учителя Санкт-Петербургской артиллерийской школы (так в архивном источнике – *В.Б.*) Д. Черовского в Канцелярию главной артиллерии от 14 марта 1739 г., опять же, по вопросам выдачи денежного жалования учителям и школьникам указанной школы видно, что в ней числилось два учителя, включая самого Д. Черовского, а также учителя словесной и письменной науки Семена Иванова и *всего лишь три ученика(!)* [3, д. 138, л. 116–116 об.]. В 1740 г. их

было шесть [3, д. 138, л. 119] (вместо полагавшихся 60 – *В.Б.*). Мы затрудняемся как-либо объяснить такой колоссальный некомплект учащихся этого отделения школы.

По состоянию на *апрель 1740 г.* во всех трех классах чертежной школы обучалось по 10 человек [3, д. 138, л. 125]. Любопытно отметить, что в первом классе этой школы в тот момент проходил обучение будущий преподаватель этой школы и в последующем генерал-поручик артиллерии Матвей Мартынов, много сделавший в последующем для развития артиллерии в России, а во втором классе Василий Данилов [3, д. 138, л. 125], родной брат М.В. Данилова, автора известных «Записок М.В. Данилова, артиллерии майора...» [16].

М.В. Данилов в своих «Записках...» сообщает много любопытной информации о деятельности Санкт-Петербургской артиллерийской школы в начале 40-х гг. XVIII столетия. В частности, он пишет, что его родной брат Василий, в 1740 г. вместе с другими учениками Московской артиллерийской школы был переведен в Петербургскую артиллерийскую школу. Вскоре из Москвы в Петербургскую артиллерийскую школу был переведен и сам М.В. Данилов. Его брат Василий, вместе с другими учениками вскоре был выпущен из Санкт-Петербургской артиллерийской чертежной школы в чине сержанта. После их выпуска в школе освободились вакантные места, и благодаря помощи своего брата, М.В. Данилов был зачислен сразу в первый класс чертежной школы. М.В. Данилов, был выпущен из чертежной школы в 1743 г. М.В. Данилов пишет, что, готовясь к выпуску, «...приготовил артиллерийские чертежи и многие рисунки на экзамен» [16, с. 39–40]. По выпуску М.В. Данилова из школы в чине фурьера, начальник Санкт-Петербургской артиллерийской школы капитан Я. Гинтер зачислил М.В. Данилова в свою роту в лабораторию «для рисования планов» [16, с. 40].

В Санкт-Петербургской арифметической и других наук школе, по состоянию на *1 мая 1746 г.* уже числилось 70 учеников (напомним, что в 1740 г. числилось только 6 учеников – *В.Б.*), из которых 10 было «сверх комплекта». Из этих

10 заштатных учеников 3 были на государственном обеспечении, а 7 «на своем коште» [5, д. 571, л. 15–20]. Среди 7 «своекоштных» учеников были 3 капрала, 1 канонир и 2 фузелера. Также среди их был один дворянин – Михаил Кармалин «...лесных дел бывшего комиссара сын» [5, д. 571, л. 19 об.].

В преддверие объединения Санкт-Петербургской артиллерийской и инженерной школ в 1758 г., по состоянию *на июль 1756 г.* штат Санкт-Петербургской чертежной и арифметической школы был следующим [5, д. 968, л. 49]: штат преподавателей для обучения учеников артиллерии, арифметическим и другим наукам, словесной и письменной грамоте, а также рисованию *включал* трех штаб и обер-офицеров артиллерии, одного сержанта и одного подмастерья; в чертежной школе проходили обучение 28 учеников комплектных и 5 школьников «на своем коште», т.е. сверх комплектных; также к чертежной школе для обучения артиллерийским наукам из строевых артиллерийских подразделений были прикомандированы 6 капралов и 1 бомбардир. *Всего обучалось 40 человек.*

Учеников в арифметической школе обучалось 60 человек комплектных и сверх комплекта, но с жалованием еще 49 (всего 109).

Итого в двух школах обучалось *142 ученика*, за исключением прикомандированных капралов и бомбардира.

Мы полагаем, что, также небезынтересно будет ознакомиться с социальным составом *учеников «чертежной» школы* и теми характеристиками, которые были даны некоторым из них учителями школы (см. таблицу 2) (стиль и орфография документа сохранены – *В.Б.*) [5, д. 571, л. 15–23].

Таблица 2

Характеристика некоторых из учеников чертежного отделения
Санкт-Петербургской артиллерийской школы
(по состоянию на май 1746 г. – В.Б.)

| Имена учеников | Вступление их в школу | Кто, что учит |
|---|---|---|
| Иван Жеребцов, дворянский сын, 22 лет, к науке понятность имеет | Вступил в школу ради обучения наук прошлого 1741 г. 24 апреля. И с того числа обучен арифметике, геометрии, тригонометрии и часть геодезии, артиллерии и ручному рисованию. Оной был отпущен в дом прошлого 744 года с 15 марта и явился сего 746 года 22 января. | Ныне обучается артиллерии |
| Алексей Беляев, майорский сын, 19 лет, к науке понятность имеет среднюю. | Вступил в школу ради обучения наук прошлого 1741 г. 6 мая. И с того числа обучен арифметике, геометрии, тригонометрии и часть геодезии, артиллерии и фортификации и ручному рисованию. Також пушечной, мортирной и ружейной экзерциции. | Ныне обучается артиллерии и фортификации. |
| Василий Козлянинов, лейб-гвардии Преображенского полка отставного каптенармуса сын, 19 лет, к науке понятность имеет. | Вступил в школу ради обучения наук прошлого 1743 г. 11 мая. И с того числа обучен арифметике, геометрии, тригонометрии и часть геодезии, артиллерии и фортификации и ручному рисованию. Також пушечной, мортирной и ружейной экзерциции. | Ныне обучается артиллерии и фортификации. |
| Кузьма Мягкой, прапорщиков сын, 25 лет, к науке не гораздо понятен. | Вступил в школу ради обучения наук прошлого 1743 г. 21 марта. И с того числа обучил словесной грамоте, читать и писать, також пушечной, мортирной и ружейной экзерциции, | Ныне обучает арифметику |

Характеризуя социальный состав учеников чертежной школы, отметим, что хотя чертежная школа и создавалась для обучения в ней преимущественно дворянских и офицерских детей – *но в ней учились дети практически всех сословий, за исключением детей крестьян*. Например, в чертежной школе наряду с дворянскими и офицерскими детьми проходили обучение «...отставного каптенармуса лейб-гвардии Преображенского полка сын» [5, д. 571, л. 15–23], «...из города Гданьска солдатский сын», «слесарский сын», «канцеляристов сын» и т. д. [5, д. 571, л. 21–23 об.]. Возрастной диапазон этих учеников, был также разным – от 19 до 25 лет. Интеллектуальные способности и отношение учеников к учебе, преподаватели школы характеризовали, например, так «...к науке понятность

имеет», «...к науке понятность имеет среднюю» или «к науке не гораздо понятен» [5, д. 571, л. 15–23].

Любопытны некоторые характеристики отдельных учеников школы для «пушкарских детей» представленные нами в таблице 3 (стиль и орфография документа сохранены – В.Б.) [5, д. 571, л. 15–20].

Таблица 3

Характеристики некоторых учеников школы для «пушкарских детей»
(по состоянию на май 1746 г. – В.Б.)

| Имена учеников | Вступление их в школу | Кто, что учит |
|---|--|---------------------------|
| Иван Фирсов,... гарнизона канонирский сын, 16 лет, к науке понятность имеет среднюю. | Вступил в школу ради обучения наук прошлого 1741 г. 6 октября. И с того числа выучил словесну. Письменную науку, арифметик, геометрию и солдатскую экзерцицию. Ныне в окончании тригонометрии. | В окончании тригонометрии |
| Иван Савельев, канцелярии главной артиллерии и фортификации счетчиков сын, 14 лет, к науке понятность имеет среднюю. | Вступил в школу ради обучения наук прошлого 1740 г. 26 апреля. И с того числа выучил словесну. Письменную науку, арифметику и солдатскую экзерцицию. Ныне пишет геометрию. | Пишет геометрию |
| Александр Константинов, Санкт-петербургского порохового завода пороховщика сын, 13 лет, к науке понятность имеет среднюю. | Вступил в школу ради обучения наук прошлого 1741 г. 4 июля. И с того числа выучил азбуку, букварь и псалтырь и солдатскую экзерцицию. Ныне пишет слова. Болен был 1 неделю и 4 дня. | Пишет слова |

Важно отметить и тот факт, что организация учебно-воспитательного процесса и внутреннего порядка в Санкт-Петербургской артиллерийской школе были значительно лучше, чем в Санкт-Петербургской инженерной школе. По этому поводу Н.Л. Ломан пишет, что в 1744 г. КГАиФ, выказывала в адрес инженерной школы большое количество замечаний и нареканий по поводу организации её деятельности и настоятельно рекомендовала организовать в ней учебный процесс и внутренний порядок, аналогичный тому, который соблюдался в артиллерийской школе. Более того, КГАиФ направила учителем в Московскую артиллерийскую школу помощника Я. Гинтера, чтобы тот установил там порядок по образцу Санкт-Петербургской артиллерийской школы» [24, с. 68].

Более успешному положению дел в Санкт-Петербургской артиллерийской школе, в первую очередь способствовала хорошая подготовка и старательность учителей артиллерийской школы. И Я. Гинтер, и М. Мартынов пользовались как среди учеников, так и у вышестоящего руководства большим авторитетом и уважением, обладая высоким уровнем образованности и знаний в области артиллерийского науки и дела. Почет и уважение они ко всему прочему заслужили своей исключительной добросовестностью при выполнении обязанностей учителей этой школы.

Признавая достоинства и заслуги Я. Гинтера и М. Мартынова и доверяя им, Канцелярия главной артиллерии и фортификации предоставляла возможность им самим находить кандидатуры новых учителей школы и проверять их знания и подготовку [24, с. 69]. Как правило, учителями в артиллерийскую школу назначались лучшие ученики этой же школы, с отличием окончившие в ней обучение. Для поощрения учителей к добросовестному выполнению своих обязанностей, КГАиФ поощряла их за успешное обучение школьников, в зависимости от успехов учеников в обучении. Такое поощрение, как например, «повышение в чине», применялось без лишней волокиты и задержек. Каждый новый учитель, пришедший на вакантное место учителя артиллерийской школы, стремился отличиться и добросовестно выполнять свои обязанности, зная о том, что за усердие и старание его ждет определенное повышение в чине.

Существенные изменения к лучшему в организации практических занятий для учеников чертежной школы, произошли после назначения в ноябре 1745 г. генерал-фельдцейхмейстером В.А. Репнина [5, д. 573, л. 116]. В первый же год своего начальствования, он приказал обучать пушечной и ружейной экзерциции «...всех артиллерийских служителей», а вместе с этим «...показывать артиллерийскую практику» и ученикам второго (чертежного) отделения школы. О важности, которую придавал В.А. Репнин этим практическим занятиям, говорит тот факт, что ученики артиллерийской чертежной школы, которые отпрашивались в отпуска на лето – домой не отпускались, получая от Репнина

ответ «...пообождать до зимы», так как летнее время было отведено для практических занятий. Эти занятия было приказано проводить с высокой организацией и пунктуальностью, и каждую неделю представлять генерал-фельдцейхмейстеру подробный журнал с результатами и замечаниями выполнения практических стрельб, который подписывался лицами, присутствующими при проведении практических занятий.

Генерал-лейтенант артиллерии В.И. Де Геннин, в подчинении которого находилась Санкт-Петербургская артиллерийская школа лично докладывал генерал-фельдцейхмейстеру В.А. Репнину о результатах практических занятий «... по силе ордера Вашего сиятельства, артиллерии капитана Гинтера о обучении Санктпетербургской артиллерийской чертежной школы учеников пушечной, мортирной и гаубичной экзерциции, истреблением рекошей, журнал с примечаниями и чертеж я в получении имею оные вашему сиятельству оригинально при сем покорно приобщаю» [5, д. 573, л. 9]. В данном списке были указаны результаты 20 учеников чертежной школы.

Можно предположить, что при генерал-фельдцейхмейстере В.А. Репнине и непосредственном кураторе Санкт-Петербургской артиллерийской школы генерал-лейтенанте В. Де Геннине, вникавших во все подробности управления школой и внимательно следивших за ходом преподавания в ней, совершенствование и улучшение организации учебного процесса шло бы и дальше. Но, к сожалению, этого не произошло, т.к. артиллерийская школа не долгое время находилась в их подчинении. В 1748 г. внезапно скончался генерал-фельдцейхмейстер В.А. Репнин, а 12 апреля 1750 г. умер и Де Геннин.

Для русской артиллерии наступил тяжелый так называемый период «межфельдцейхмейстерства», закончившийся только в 1756 г. назначением на должность генерал-фельдцейхмейстера П.И. Шувалова.

Итак, подведем итоги вышеизложенному. Очевидно, что к середине 30-х гг. XVIII в. в Санкт-Петербурге действовали артиллерийская школа для де-

тей артиллерийских служащих (или школа для «пушкарских детей» – В.Б.) и *артиллерийская школа при артиллерийской лаборатории*, деятельность которой осенью 1735 г. была прекращена.

Как уже отмечалось ранее, какой-либо четкой организационно-штатной структуры артиллерийской школы при Санкт-Петербургском лабораторном доме (артиллерийской лаборатории – В.Б.), а также учебной программы, в соответствии с которой в ней шло обучение школьников, вплоть до 1721 г. не было. Основопологающим документом, определившим организационное устройство школы при артиллерийской лаборатории, был указ Петра I от 13 марта 1721 г., который, по нашему мнению, формально *завершил организационный период* создания и функционирования артиллерийской школы при Санкт-Петербургской артиллерийской лаборатории, но никак не мог служить *началом процесса учреждения* названной школы.

10 октября 1735 г. был утвержден только штат одной новой школы, на базе Санкт-Петербургской артиллерийской школы для «пушкарских детей» (!). Вновь созданное военно-учебное заведение, стало существовать под общим названием «Санкт-Петербургская артиллерийская школа», находившейся в ведении КГАиФ и состояла из двух отделений или точнее, двух отдельных, различных по своему назначению школ, о которых речь шла выше.

Что касается истинной даты учреждения Санкт-Петербургской артиллерийской школы для детей артиллерийских служащих, то у нас есть все основания полагать, что началом учреждения Санкт-Петербургской артиллерийской школы для детей артиллерийских служащих (пушкарских детей) послужил приказ Канцелярии главной артиллерии и фортификации от 31 декабря 1729 г. А следующее определение КГАиФ от 20 мая 1730 г. было издано канцелярией в дополнение к ранее изданному, с целью уточнения некоторых организационных вопросов материально-технического обеспечения деятельности школы, организации в ней учебного процесса, определения размеров продовольственного и вещевого обеспечения школьников.

»

В заключение отметим, что приведенная выше «лекционная табель» довольно часто упоминалась в военно-исторической литературе и в работах исследователей, касающихся истории военно-специального артиллерийского и инженерного образования на протяжении XVIII в., *но, ни в одном из источников она приведена не была! И мы впервые публикуем её в том виде, в каком она направлена в артиллерийскую школу.*

Список литературы

1. Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Архив ВИМАИВ и ВС). Ф. 2. Оп. 1 (Приказ артиллерии).
2. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. 2.
3. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. Арсенальная.
4. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. Сборная.
5. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. ШГФ (Штаб генерал-фельдцейхмейстера).
6. Бенда В.Н. К вопросу о деятельности инженерно-артиллерийской школы при бомбардирской роте Преображенского полка // КЛИО. Журнал для ученых. – 2004. – №1 (24). – С. 177–182.
7. Бенда В.Н. Создание и деятельность Московской инженерной школы в начале XVIII в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. Выпуск 2. – 2008. – С. 29–35.
8. Бенда В.Н. Первые Российские артиллерийские и инженерные школы в конце XVII – первой четверти XVIII века // Военно-исторический журнал. – 2009. – №9. – С. 23–28.
9. Бенда В.Н. Особенности организации учебного процесса в Сухопутном кадетском корпусе в первой половине XVIII в. // КЛИО. Журнал для ученых. – 2009. – №4 (47). – С.123–127.
10. Бенда В.Н. Артиллерийская школа при Санкт-Петербургском лабораторном доме (1721–1730 гг.) // Общественные науки. Всероссийский научный журнал. – 2012. – №5. – С. 190–195.

11. Бенда В.Н. Военно-учебные заведения России во второй половине XVIII века: Монография. – Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG, 2013. – 529 с.
12. Бенда В.Н. К вопросу о зарождении военно-инженерного образования в России в начале XVIII в. // КЛИО. Журнал для ученых. – №6 (90). – 2014. – С. 111–117.
13. Брикнер А.Г. Записки иностранцев о России в XVIII столетии. Т. II. Записки фельдмаршала графа Миниха. – СПб.: в типографии В. Безобразова и Комп., 1874. – XXIX и 406 с.
14. Глебов П.Н. Артиллерийская школа в царствование императрицы Анны Иоанновны 1730–1740 // Артиллерийский журнал. – 1862. – №11. – С. 620–643.
15. Греков Ф.В. Краткий исторический очерк военно-учебных заведений. 1700–1910 гг. – М.: Тип-я Вильде, 1910. – 192 с.
16. Данилов М.В. Записки М.В. Данилова, артиллерии майора, написанные им в 1771 году (1722–1762). – Казань: Электическая типография Л.П. Антонова, 1913. – 83 с.
17. Денисьевский М.М. Специальная школа «инженерная и артиллерийская» // Инженерный журнал. – 1904. – №6–7. – С. 1013–1040.
18. Дома членов царской фамилии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.citywalls.ru/house14761.html>
19. Жервэ Н.П. Исторический очерк 2-го кадетского корпуса 1712–1912 гг.: В 2-х т. Т. I / Н.П. Жервэ, В.Н. Строев. – СПб.: Тип-я Тренке и Фюсно, 1912. – 647 с.
20. История Отечественной артиллерии. Т. 1. Кн. 2: Артиллерия русской армии в период укрепления абсолютизма (XVIII в.). – М.: Воениздат, 1960. – 696 с.
21. Кадетский корпус, 2-й. Петербург. Юбилейная памятка 2-го Кадетского императора Петра Великого корпуса. 1712–16/I-1912 гг. – СПб.: Тип. Арт. деп. Воен. мин-ва., 1912. – 57 с.

22. Кирпичев Л.Л. Артиллерийское образование в России до 1820 г. Введение: Исторический очерк образования и развития Артиллерийского училища 1820–1870. – СПб.: Тип. Второе отделение собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1870. – 405 с.

23. Лалаев М.С. Исторический очерк военно-учебных заведений, подведомственных Главному их управлению, от основания в России военной школы до исхода первого 25-летия благополучного царствования государя императора Александра Николаевича (1700–1880): Ч. 1–2. Ч. 1. 1700–1825 гг. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1880. – 465 с.

24. Ломан Н.Л. Историческое обозрение 2-го кадетского корпуса. – СПб.: Тип-я Тов-а «Обществ. Польза», 1862. – 201 с.

25. Манойленко Ю.Е. Обучение офицерского и рядового личного состава русской артиллерии в первой трети XVIII века // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – №58 (2008). – С.417–422.

26. Мельницкий Н.Н. Сборник сведений о военно-учебных заведениях в России (сухопутного ведомства): В 4-х т. Т. 1. В 6 ч. Ч. 1. – СПб.: Тип. Гл. штаба его имп. величества по воен.-учеб. завед., 1857. – 140 с.

27. Петрухинцев Н.Н. Становление Кадетского корпуса при Анне Иоанновне. 1731–1740 гг. // Труды государственного Эрмитажа. – Т. XXXVII: Первый кадетский корпус во дворце Меншикова: К 275-летию основания: Материалы научной конференции. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2007. – 204 с.

28. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собр.1. – Т. VIII. (1728–1732). – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – 1014 с.

29. ПСЗ. Собр.1. – Т. X (1737–1739). – СПб.: Типография II отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1830. – 995 с.

30. Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета. 1728. Т. VI. (июль-декабрь 1728 г.) // Сборник императорского русского исторического общества. – Т. 84. – СПб: Типография И.Н. Скороходова, 1893. – 745 с.

31. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 826. Оп. 2.

32. Столетие военного министерства. 1802–1902. Главное артиллерийское управление. Исторический очерк. – СПб.: Тип. М.О. Вольф, 1902. – 574 с.

33. Столетие военного министерства. 1802–1902. Главное управление военно-учебных заведений. Исторический очерк. Кн. 1. – СПб.: Тип. М.О. Вольф, 1902. – 370 с.

34. Хмыров М.Д. Фельдцейхмейстерство графа Миниха: Записки иностранцев о России в XVIII столетии. Записки фельдмаршала графа Миниха. – СПб: Типография В. Безобпазова и Комп., 1874. – 406 с.

Бенда Владимир Николаевич – канд. ист. наук, доцент межфакультетской кафедры истории ГАОУ ВО ЛО «Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина», Россия, Санкт-Петербург, Пушкин.

Benda Vladimir Nikolaevich – candidate of historical sciences, associate professor of the Inter-Faculty History Department SAEI of HE of the Leningrad Region “A.S. Pushkin Leningrad State University”, Russia, Saint-Petersburg, Pushkin.
